

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В.Л. ШЕЙНИС

Большевистская власть и первая советская Конституция

В статье раскрыты основания и этапы подготовки первой Конституции РСФСР 1918 г., анализируются ее программные положения, отразившие утверждение диктатуры пролетариата в результате Октябрьского переворота.

Ключевые слова: революция, конституция, власть, большевики, диктатура пролетариата.

In article the bases and stages of preparation of the first Constitution of RSFSR of 1918 are discussed, its program positions which have reflected the statement of dictatorship of proletariat as a result of October are analyzed.

Keywords: revolution, the constitution, the power, bolsheviks, proletariat dictatorship.

В 1918 г. Советская Россия обрела свою первую Конституцию. “1918, а не 1917 год был воистину решающим моментом российской революции”, – утверждает американский историк [Малиа, 2002, с. 138]. С этой оценкой можно соглашаться или ее оспаривать, но она имеет под собой веские основания. Свержение Временного правительства, утратившего поддержку в стране, не окончательно предreshало дальнейший путь развития. В 1918 г. еще не утвердившаяся власть не раз оказывалась на краю пропасти. Она могла быть сброшена, развернись ход событий чуть иначе, что вовсе не было заведомо исключено. Перед лицом смертельной опасности приходилось принимать неизмеримо трудные, подчас неожиданные решения, под влиянием которых менялось положение в стране, в большевистской партии, в представлениях ее вождей о должном и возможном. Все это определило содержание первой советской Конституции.

От доктрины к “революционной целесообразности”

Доктринальные, программные положения, вокруг которых разворачивались ярые споры, всегда играли большую роль в среде российских социал-демократов вообще и их радикального направления – в особенности. Лозунги и практические решения могли меняться, и для их обоснования искали и находили аргументы в высокой теории. Концепция, с которой большевики шли на Октябрьскую революцию, в общих чертах выглядела следующим образом.

Война подвела европейские государства к социалистической революции. Русская революция прорвет империалистическую цепь. Большевики, если сумеют взять власть,

Шейнис Виктор Леонидович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

удержат ее до победы мировой социалистической революции. Более того – «после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается после этого не образцовой, а опять отсталой (в “советском” и в социалистическом смысле) страной» [Ленин, т. 34, с. 333; т. 41, с. 4].

Пролетарская революция уничтожает буржуазное государство, осуществляет “самую полную демократию” и создает условия для полного отмирания “пролетарского государства или полугосударства”.

После революции устанавливается диктатура пролетариата, который представляет “авангард угнетенных”. Иначе развитие идти “не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров капиталистов больше некому”. Диктатура “дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам” [Ленин, т. 33, с. 19–49, 90].

Форма революционного перехода – не парламентарная республика, возвращение к которой было бы шагом назад, а “республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху. Устранение полиции, армии (то есть замена постоянной армии всеобщим вооружением народа. – *В.Ш.*), чиновничества” [Ленин, т. 31, с. 115]. Не федеративное устройство и не централизм буржуазного государства, а широкое местное самоуправление, которое «при добровольном отстаивании “коммунами” и областями единства государства устраняет всякий бюрократизм и всякое “командование” сверху безусловно» [Ленин, т. 33, с. 73].

Подавление меньшинства большинством “дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле” [Ленин, т. 33, с. 90]. Против Советов “никакой союз буржуазии англо-французской и русской... совершенно не страшен, совершенно бессилен”. “Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев” [Ленин, т. 34, с. 223, 324].

За полгода, прошедшие после Февральской революции, стало очевидно для всех, что “катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо... А между тем достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам”. Это – контроль, надзор, учет, государственное регулирование, “сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил” и т.п. [Ленин, т. 34, с. 155–156].

Так оптимистически виделась Ленину вероятная перспектива. Вытекавшую из нее стратегию взяла на вооружение большевистская партия – правда, не без острых разногласий и столкновений в ее руководстве. После Октябрьского переворота события, однако, стали развиваться непредвиденным образом, и *стратегические установки приходилось менять, иногда с точностью до наоборот*.

В соответствии с ранее заявленной позицией большевики покончили с демократически избранным после Октября Учредительным собранием. Русская революция была далеко не первой, посягнувшей на представительное народное собрание. О такой возможности говорил еще Г. Плеханов в 1903 г. [Второй... 1959, с. 181–182]. Но Учредительное собрание вовсе не было контрреволюционным, реакционным парламентом: подавляющее большинство в нем принадлежало социалистическим партиям, в том числе 25% мест – большевикам. За несколько часов, которые ему довелось работать в атмосфере невыносимой травли депутатов запущенной в зал “галеркой”, депутаты успели проголосовать за закон о земле, весьма сходный с декретом, принятым ранее II съездом Советов.

С роспуском Учредительного собрания революция прошла значимую развилку. Парламенту, хотя бы и с социалистическим большинством, были противопоставлены Советы широкой коалиции – политическая монополия крайне радикальной партии, заключившей на короткое время блок с левой частью расколовшейся эсеровской партии. Поразительная легкость, с которой большевики овладели властью, изначальная слабость сил сопротивления, повсеместный распад прежних государственных структур

и быстрая советизация страны (“триумфальное шествие Советской власти”, “власть, передававшаяся по телеграфу”) пьянили и как будто подтверждали обоснованность стратегии большевиков. Но ненадолго.

Первым испытанием для ленинского правительства стал Брестский мир. Последовавший за ним кризис несложно было предвидеть, если бы не надежда на то, что за русской революцией вскорости последует европейская. Но развалить старую армию оказалось значительно легче, чем осуществить “революционный выход из войны”. Советское правительство встало перед выбором: отдать треть территории Европейской России с почти половиной промышленного потенциала и продовольственных ресурсов или потерять власть: «В несколько ближайших недель... немцы успеют дойти до Питера, до Москвы, до Киева, успеют “добить” наш железнодорожный транспорт», – втолковывал сторонникам “революционной войны” Ленин [Ленин, т. 35, с. 396]. Выбор с прагматической точки зрения оказался вполне рациональным, хотя политически он расколот страну, коалицию с левыми эсерами, саму большевистскую партию и ее руководство. Убеждение, что “грабительский мир” недолговечен, опиралось на иллюзорные ожидания: “На помощь нам придет – пусть даже не так скоро, как нам всем хотелось бы – придет зреющая неуклонно социалистическая революция в других странах” [Ленин, т. 35, с. 383]. Однако спасла Россию (и власть большевиков в ней) не чаемая европейская революция, а вовсе не предрешенное еще в дни Бреста (и получившее отсрочку благодаря Бресту) военное поражение Германии.

Следующий раз существование взятой в Октябре власти было поставлено под вопрос весной–летом 1918 г. В конце мая о неподчинении советскому правительству, потребовавшему сдачи оружия, заявило командование бывших чехословацких военнопленных, части которых растянулись от Волги вдоль Транссиба. Корпус насчитывал всего 30 тыс. человек, но это были крепко сколоченные боеспособные части. Их выступлением воспользовались накапливавшиеся в стране антибольшевистские силы – и советская власть мгновенно рухнула на большей части территории страны. В июле вспыхнуло восстание в Москве, Ярославле, ряде городов Верхней Волги, в Симбирске поднял мятеж левый эсер М. Муравьев, командовавший Восточным фронтом. Власть зашаталась в центре России.

Это были тревожные сигналы. Размывалась не только политическая (разрыв с левыми эсерами, немало поспособствовавшими захвату и укреплению власти большевиков в первые месяцы), но и социальная база новой власти. Крестьяне реализовали, наконец, вековую мечту о “черном переделе” (осуществив его довольно варварским способом и получив на то санкцию власти). Теперь их пути с большевиками расходились. Им чужда была идея учреждения “коммуний” в деревне и раздражали продовольственные реквизиции, к которым власти, не обладая товарными ресурсами для обмена, вынуждены были приступить под угрозой голода в городах. Промышленные предприятия закрывались, в деревню, спасаясь от голода, неустройства жизни, потянулось городское население, в том числе – рабочие, в особенности недавние оттуда выходцы. И прежде не очень многочисленный в России пролетариат, в теории – главная движущая сила революции, дезинтегрировался. Важнейшей опорой новой власти становились люмпенские слои, люди, растерявшие прежние социальные связи, солдаты и матросы, не вернувшиеся в родные места.

Воинствующая политика большевиков, переделы имущества (в частности, жилого фонда в городах), введение всеобщей трудовой повинности, насильственные способы регулирования хозяйственной и социальной жизни, бесцеремонные вторжения в частную жизнь граждан отбрасывали специалистов, организаторов производства, администраторов, большую часть интеллигенции – все “образованные классы”, посчитавшие в Феврале, что пришел их час (а не одних только эксплуататоров), в лагерь противников революции. Все это дополнялось разрывом сохранявшихся дотолде экономических связей, резким падением производства на промышленных предприятиях, подвергавшихся – одно за другим – “социализации” для преодоления “саботажа” хозяев еще до наступления фронтальной национализации промышленности и транспорта

[Декреты... 1957]¹. Как правило, инициатива захвата предприятий принадлежала их работникам, вступавшим в конфликт с хозяевами, и затем санкционировалась декретами советской власти. “Грозящая катастрофа”, с которой до Октябрьского переворота большевики обещали справиться, распознана, как гангрена.

Отражением всего этого в тех Советах, где сохранились свободные выборы, стал процесс “дебольшевизации”, обратный происходившему осенью 1917 г. Перевыборы Советов весной–летом 1918 г. не дали большевикам абсолютного большинства уже не в Учредительном собрании, а в их недавно еще главном оплоте – Петроградском совете. Из 30 губернских Советов в Европейской России в 19 большинство завоевали эсеры и меньшевики [Долуцкий, Ворожейкина, 2008, с. 360–361].

Весь ход событий, следовательно, подводил взявшую власть партию к *необходимости создания государства нового типа* (по модели самой партии), к слиянию партии и государства, к наполнению абстрактной дотолле марксистской формулы диктатуры пролетариата содержанием, нимало не похожим на Парижскую коммуну 1871 г. Основными компонентами этого властного механизма, в центре которого утвердилась большевистская партия, стали новая политическая полиция, новая армия, не имеющая ничего общего с всеобщим вооружением народа, реквизиционные органы в деревне. Их начали создавать загодя, до начала Гражданской войны. По мере того, как война расширялась, они набирали силу. Всем им было уготовано большое будущее и в “мирное время”. Советам вместо “всевластия” было определено надлежащее место одного из “рычагов”, приводов к массам от “направляющей силы”, наряду с профсоюзами, кооперацией и союзом молодежи [Сталин, т. 8, с. 32–35].

ВЧК, возникшая еще как структурное подразделение при Военно-революционном комитете Петроградского совета 7 декабря 1917 г., учреждена декретом СНК для “борьбы с контрреволюцией и саботажем”. Председателем комиссии, как известно, был назначен Ф. Дзержинский. Чуть позже задачи ВЧК были конкретизированы и расширены: ее деятельность (вначале ограниченная лишь предварительным следствием) надлежало направить против трех зол: саботажа чиновников, буйства и разрушений, которые творили пьяные толпы, и бандитизма под флагом анархизма [Ф.Э. Дзержинский... 2007, с. 12–13; Карр, 1990, с. 140]. Создание и первые шаги ВЧК были продиктованы действительно чрезвычайными обстоятельствами, совладать с которыми, по мнению Ленина (юриста по образованию), следовало вполне определенным способом: “...посадить в тюрьму десятков богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы” и “расстрелять на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве” [Ленин, т. 35, с. 204]². Это потребовало расширить компетенцию карательных органов. А для ВЧК было определено главное занятие: борьба с политическими противниками, которых советская власть объявляла вне закона и круг которых постоянно расширялся. Сначала это были кадеты, затем анархисты, правые и левые эсеры, меньшевики и т.д. Со временем очередь дойдет до оппозиционеров и уклонистов в самой ВКП(б). Политическая полиция существовала и существует во многих странах, изобретением же большевиков был могущественный орган, в деятельности которого со временем совместились сыск, расследование, суд и приведение приговоров в исполнение.

Равным образом ни в каких программах социал-демократов не предусматривалась *армия такого типа*, какая стала создаваться в первые же месяцы после Октябрьского переворота. Рабочая милиция Красная гвардия, опиравшаяся на воинские части с выборными командирами, была при деле, когда потребовалось столкнуть Временное правительство, утратившее серьезную военную поддержку. Но она оказалась совершенно не пригодной для противостояния не только армии кайзера – “гиганта культурного,

¹ Первое постановление СНК (об обращении в собственность государства Ликинской мануфактуры) было издано уже 17 ноября 1917 г. Только в декабре 1917 г. было издано 11 декретов СНК о конфискациях и обращении в собственность государства различных предприятий.

² И далее о борьбе с утаиванием продовольствия: “Пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет” [Ленин, т. 35, с. 311].

технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма” [Ленин, т. 35, с. 395–396], но и формированиям Белого движения. Добровольческие силы с выборными командирами вплоть до командующих фронтами, с митингами, голосованиями выживание режима обеспечить не могли. 8 апреля 1918 г. из Наркоминдела в Наркомат по военным и морским делам был перемещен Л. Троцкий, который в создании Красной армии сыграл примерно такую же роль, как Дзержинский в формировании ВЧК. 22 апреля 1918 г. от выборов перешли к назначению всех командиров вплоть до отделения, а 29 мая добровольное зачисление на военную службу заменили принудительным набором [Декреты... 1957–1959]. В армии стали восстанавливать дисциплину подчинения. Ввели смертную казнь на фронте при упрощенном судопроизводстве. Вожаков-дилетантов потеснили привлеченные на советскую службу офицеры и генералы царской армии. Собственным же изобретением большевиков стал институт политкомиссаров. Двоеначалие в армии, конечно, имело свои издержки, но именно благодаря ему партия превратила армию в эффективный инструмент собственной власти.

В первой половине 1918 г. оформился *основной абрис аграрной политики большевиков*. Раз товарообмен между городом и деревней был нарушен, оставался единственный выход – взять хлеб силой. Это вполне отвечало политической философии большевизма, причем делать это надо было безотлагательно: “...мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической” [Ленин, т. 36, с. 405]. Не обеспечив хотя бы полуголодное существование столичного пролетариата – своей основной социальной опоры, и снабжение армии, большевики неминуемо утратили бы главное завоевание – власть.

13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК издали декрет, предоставивший наркомату по продовольствию чрезвычайные полномочия. Каждый владелец хлеба обязывался в недельный срок сдать “весь избыток”. Все лица, нарушившие предписание, объявлялись врагами народа и подлежали по приговору революционного суда “заключению в тюрьме не ниже 10 лет”. Вслед за тем для изъятия “излишков” были созданы специальные продовольственные отряды (по замыслу – из рабочих и сельской бедноты, на практике в значительной части – из люмпенов), которые получили неограниченные полномочия вплоть до применения оружия и право по собственному усмотрению определять, что есть “излишки” [Декреты... 1959]. Большевики сами раздували угли разгоравшейся Гражданской войны. Из 80 тыс. продотрядовцев, набранных к осени, к концу года погибнет каждый четвертый [Долуцкий, Ворожейкина, 2008, с. 357]. Крестьян, убитых в схватках с грабителями, никто не считал.

Когда стало очевидно, что продотряды, наихудшим образом представлявшие советскую власть в деревне, с поставленной задачей справиться не могут, к ее решению был подключен инструмент более надежный и организованный – армейские части. Ленин был готов пойти еще дальше. 26 мая он набрасывает тезисы, в которых предлагает превратить Военный комиссариат в Военно-продовольственный и сосредоточить девять десятых его работы “на переделке армии для войны за хлеб”. Воззвание СНК к рабочим и крестьянам гласило: “Сформированные вами отряды вместе с дисциплинированными отрядами Красной армии под военным руководством опытных и испытанных революционеров и специалистов в продовольственном деле, пойдут на завоевание хлеба у деревенской буржуазии” [Ленинский... 1931, с. 93–101]. Армия еще только создавалась, а ее назначение было определено без обиняков. Все это не могло не вызвать защитной реакции крестьян. По оценке американских историков, “размах большевистской войны против крестьянства на внутреннем фронте во много раз превосходил размах военных действий на фронтах гражданской войны с белыми... Крестьянское восстание против большевиков, вспыхнувшее летом 1918 г., по размеру охваченных им территорий и по числу участников оказалось самым значительным за всю историю страны” [Пайпс, 1994, с. 424].

Советы, созданные в сельской местности, оказались ненадежны, и 11 июня появился еще один декрет – о создании наряду с существовавшими Советами волостных

и сельских комитетов бедноты – для содействия местным продовольственным органам в проведении реквизиций, но не только [Декреты... 1959, с. 413–420]. В опоре на деревенских пауперов – после произошедшего в 1917–1918 гг. уравнительного передела земли и “грабежки” инвентаря, скота, иного имущества помещиков и ствольпинских хуторян это были, как правило, наименее трудоориентированные, “несправные” мужики, стимулируемые даровой раздачей части конфискованного добра, – власть решала более широкие задачи. Комбеды помогали осуществлять набор в Красную армию, дополнительные переделы имущества, “очищать” Советы от “классово чуждых элементов” и т.п. Представлявшие меньшинство сельского населения³, но поддержанные авторитетом и силой городской власти, они стали своеобразной “пятой колонной” в деревенских сообществах, носителями властных функций, отобранных у Советов, одним из инструментов изъятия контрибуции, наложенной на состоятельных крестьян. Комбедам же было поручено проведение перевыборов в Советы. С их помощью большевики вносили социальное размежевание и гражданскую войну в деревню, что они откровенно ставили себе в заслугу. Комбеды выполнили свою роль к началу 1919 г. и были объединены с преобразованными Советами, включенными в государственную систему и далеко ушедшими от той полуанархической вольницы, какую они являли при рождении.

Так на деле – а не на витрине – победившая революция выстраивала “союз рабочих и крестьян”. “Бессмысленная практика классовой войны в деревне лишь ухудшала ситуацию со снабжением” [Малия, 2002, с. 156], но она решала другую, неизмеримо более важную для большевиков задачу – глубокой трансформации Советов, которые были использованы для свержения прежней власти (или, во всяком случае, для придания этой акции легитимного вида), но как полновластные органы были непригодны и для диктатуры, и для организованной управленческой работы⁴. Преобразование Советов происходило, конечно, не только в деревне, но и в городе. Прежде всего – в городе. И главным инструментом такого “преобразования” было их очищение от политической оппозиции – сначала правых и центровых, а затем и левых эсеров – партии большинства в Учредительном собрании, а также от представителей всех других политических партий. Суть дела как раз и заключалась в утверждении политической монополии “партии нового типа”, как горделиво именовали себя большевики.

Режим диктатуры к лету 1918 г. еще не был выстроен окончательно. Во многих советских органах существовали небольшие вкрапления оппозиции – меньшевиков и эсеров. До начала августа выходили “буржуазные” газеты, позволявшие себе критику властей, хотя с ранней весны революционный трибунал печати закрывал одно печатное издание за другим. Разномыслие не было подавлено и в самой правящей партии, да и беспартийные специалисты, в большом числе привлеченные в государственные учреждения в качестве технических сотрудников, экспертов и консультантов, не были лишены возможности высказывать свои взгляды. Таковы были условия, при которых готовилась и принималась первая – не в пример всем последующим – советская Конституция.

Подготовка Конституции

Большевистские вожди были глубоко убеждены, что интересы классового господства стоят выше законности, и не считали нужным скрывать свое убеждение. “Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами, – писал Ленин в 1918 г. – Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией,

³ “Безземельный пролетариат”, ядро деревенской бедноты, в центральной России составлял порядка 4% сельского населения. Остальные – середняки и “богатеи” [Пайпс, 1994, с. 427].

⁴ Посещение Петроградского совета разочаровало Г. Уэллса, побывавшего в России в 1920 г. “Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность”, – написал он [Уэллс, 1958, с. 62].

власть, не связанная никакими законами” [Ленин, т. 37, с. 245]. Тем не менее издание Основного закона оказалось востребованным. Отчасти ради того, чтобы ярче светился “трудящимся всех стран” факел мировой революции, надежда на скорое наступление которой у большевиков еще не угасла. Но главным образом – чтобы ввести в какие-то регулярные рамки хаос нередко противоречивших друг другу декретов и распоряжений, неисполнение которых часто грозило расстрелом.

На подготовку и принятие первой советской Конституции ушло полгода. Решение об этом было принято на III Съезде советов. Он же 12 января 1918 г. утвердил Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая впоследствии была включена в Конституцию в виде ее преамбулы. Это нарушало каноны юридической техники и привело к некоторым повторам и даже противоречиям в тексте Основного закона. Тем не менее даже попытки Конституционной комиссии подредактировать Декларацию были отклонены во имя сохранения первозданности написанного Лениным документа [Троцкий, 1990, с. 221–222]. Когда работа над Конституцией была начата, левые эсеры входили в состав ВЦИК и СНК, а Наркомат юстиции возглавлял член их партии И. Штейнберг. Различные ведомства и коллективы специалистов подготовили три черновых проекта. Шла относительно свободная дискуссия, некоторые участники которой не утратили представления о принципах правового подхода к законодательству. Давали о себе знать и противоречия между большевиками и левыми эсерами.

1 апреля, когда острая фаза борьбы вокруг Брестского мира завершилась, ВЦИК принял решение о создании Конституционной комиссии, куда и была перенесена основная работа над проектом. В комиссии доминировали большевики, но и эсеры, и беспартийные специалисты были также представлены. Ее председателем был назначен Я. Свердлов, среди активных участников числились И. Сталин и Н. Бухарин. В июльские дни, когда V Съезд советов принимал Конституцию, коалиция с эсерами была окончательно разорвана. Арестованные эсеровские делегаты Съезда в голосовании участия не принимали. Но политическую ответственность за Конституцию с партии левых эсеров снимать нельзя. В критические дни они поддержали Октябрьский переворот, получивший в Конституции юридическое оформление, а Декларацию, которая легла в ее основу, на III Съезде, когда левые эсеры были еще в силе, принимали единогласно.

”Право власти, соединенное с правом войны”

Эти слова известного юриста С. Алексева характеризуют первую российскую Конституцию емко и точно [Алексеев, 1995, с. 294, 298]. С профессиональной точки зрения документ критики не выдерживал. Он был декларативен и малосодержателен. Вопросы компетенции, распределение функций, соотношение прав между государственными органами, порядок их формирования и работы обозначались лишь в самом общем виде. В этом, собственно, и не было необходимости, ибо большая часть текста описывала квазиправовые фикции. Хотя монопольная власть одной политической партии не была упомянута, существо дела было выражено недвусмысленно и вызывающе.

Утопическая марксистская идея о безгосударственном коммунистическом обществе, описанию которого Ленин посвятил часть своей последней большой предоктябрьской работы, естественно, была здесь не ко двору. Ее противоречие с учреждаемой системой власти снималось разграничением “*основной задачи*” (“уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы” и т.д. – ст. 3, 9) и “*основной задачи, рассчитанной на переходный период*” – “*установление диктатуры... в виде мощной Всероссийской Советской власти*” (ст. 9). Диктатура – альфа и омега Конституции. Здесь, однако, содержалось немаловажное с догматической точки зрения ее расхождение с партийными документами. В Декларации, для утверждения которой требовались голоса союзников-эсеров, одиозный для них термин не был упомянут. Он появился в основном тексте Конституции, но в такой

конструкции, которая представляла переходное звено от прежней большевистской концепции “революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции” [Ленин, т. 11, с. 67] к “диктатуре пролетариата”. Эта формула займет свое законное место во второй Программе партии, утвержденной через 9 месяцев после принятия Конституции [Восьмой... 1959, с. 390]. А именно: “диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства” (ст. 9). Не столь уж важно, отражала ли внесенная в Конституцию формула промежуточную ступень в эволюции квазитеоретической схоластики или несла чисто пропагандистскую нагрузку для ободрения немногочисленных еще сельских большевиков. К этому времени уже разворачивалась политика комбедов, как раз и опиравшаяся на деревенских пауперов и люмпенов. В данной социальной страте партии видела свою главную опору среди многомиллионного крестьянства.

Классовый подход. Существо дела, однако, заключалось не в этих политико-социологических изысках, а в войне, объявленной состоятельным классом российского общества, об отстранении которых от “всех органов власти” – в отличие от “всего рабочего населения страны, объединенного в городских и сельских советах”, – объявляли и Декларация, и основной текст Конституции (ст. 7, 10, 23, 65). Фактически, отталкиваясь от этих конституционных норм, лиц, отнесенных к категории “эксплуататоров”, лишили не только избирательных, но и всех политических и многих гражданских прав, а также возложили на “паразитические слои общества” трудовую повинность (ст. 3е).

Конституция лишила прав около 10% населения [Долуцкий, Ворожейкина, 2008, с. 366]. Много миллионов (с учетом членов семей), среди которых велика была доля людей креативных, самостоятельных, составлявших значительную часть генофонда нации, по одной только социальной принадлежности (без какой-либо индивидуальной вины) и безо всякой компенсации лишались и своего достоинства, и гражданских прав, и привычного образа жизни, выталкивались в ряды ущемленных новой властью (становились “лишенцами”). Тем самым значительной и наиболее активной их части предстояло пополнить состав противостоящих ей сил, а в недалекой перспективе – отправиться в эмиграцию.

Конституция отменила не только всеобщее, но и равное избирательное право, уже введенное в России на выборах в Учредительное собрание. Прописанные в ней нормы приравнивали один голос городского населения (в основном рабочих, избравших своих представителей в советы на предприятиях) к пяти голосам жителей сельской местности (крестьян, не использующих наемного труда). Так закладывались условия “союза рабочих и крестьян” по-советски, из которого “лишенцы” были исключены. Замена прямых выборов косвенными и многоступенчатыми и тайного голосования – открытым (последнее не было оговорено в Конституции, но осуществлялось по факту) отдавали избирательный процесс на годы вперед под контроль партии, ситуативно, на короткий момент завладевшей большинством в Советах в конце 1917 г. и от их имени совершившей государственный переворот. Закрепление этого контроля, а затем и превращение его в непререкаемую монополию на власть было делом техники, а техника диктатуры непрерывно совершенствовалась.

Советское государство своей Конституцией *объявило войну “эксплуататорам”* не только в собственной стране, но и *во всем мире*. Провозгласив “непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма”, установить “социалистическую организацию общества” и добиться “победы социализма во всех странах”, оно открыто заявляло цель своей внешней политики – идти “до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала” (ст. 3, 3г, 4). В соответствии с этими установками вводилась, в частности, исключительная для государственного права норма, по которой местным советам разрешалось предоставлять “без всяких затруднительных формальностей право российского гражданства” иностранцам, “принадлежащим к рабочему классу или к не пользующимся чужим трудом крестьянству” (ст. 20). Суть столь откровенно заявленного “классового подхода” позднее будет запечатлена в известной пародии Д. Оруэлла. Среди заповедей,

провозглашенных взявшими власть обитателями фермы животных значилось: “Тот, кто ходит на двух ногах, – враг. Тот, кто ходит на четырех ногах (равно как и тот, у кого крылья), – друг” [Оруэлл, 1989, с. 29].

Первая Конституция государства, названного социалистическим⁵, в общем виде не определяла его *экономическую основу – отношения собственности*. Это будет сделано позднее. Но краеугольные основания нового порядка были обозначены в Декларации: переход всех банков в собственность государства; рабочий контроль и создание ВСНХ “как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства в собственность Советской рабоче-крестьянской республики”; аннулирование займов, заключенных прежними правительствами; национальным достоянием объявлялись леса, недра, воды общегосударственного значения, а заодно – весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия (то есть то немногое, что осталось после вакханалии грабежей в деревне).

Термины “национальное”, “общенародное достояние” выступали заменителями понятий “национализация”, “государственная собственность” (последняя в тексте Конституции встречается всего один раз – применительно к банкам, хотя часто фигурировала в декретах). В том, что частная собственность как источник всяческих зол во всех социалистических учениях подлежит ликвидации, сомнений не было. А вот вокруг того, чем ее следует заменить, было сломано немало копий. Компромиссное решение по земле в Декларации выглядело следующим образом: частная собственность на землю отменяется, весь земельный фонд – общенародное достояние, “социализация земли” ведет к “уравнительному землепользованию”. Все это, включая порядок предоставления земли в пользование и “установления земледельческо-потребительской трудовой нормы”, было детально прописано в Основном законе о социализации земли, изданном в январе 1918 г. [Декреты... 1957].

Социализацию в противовес большевистскому требованию национализации, как известно, выдвигали эсеры. Это была уступка временному союзнику, перенесенная вместе с Декларацией в Конституцию. Но ко времени ее принятия словесный характер этой уступки был более чем очевиден. На селе орудовали продотряды, создавались комбеды; государство, как если бы его собственность распространялась на землю (и на труд крестьянина), реквизировало плоды земли. Да и в национализации промышленных предприятий, к которой выборочно приступили еще в декабре 1917 г., был сделан большой шаг вперед. 28 июня 1918 г. был издан декрет, в соответствии с которым в собственность государства переходили целые отрасли промышленности и железнодорожный транспорт. Еще до того, в декабре 1917 г., были национализированы банки, а в апреле 1918 г. – внешняя торговля [Декреты... 1957; 1959]. Конституция отставала от жизни (что, собственно, не мешало “красногвардейской атаке на капитал”, “экспроприации экспроприаторов”, как назвал это Ленин) [Ленин, т. 36, с. 176–177].

Право на бесправие. Первая советская Конституция провозгласила *права российских граждан*: равноправие мужчины и женщины, равноправие наций, свободу совести, свободу выражения мнений, собраний, союзов. Эти демократические права шаг за шагом, десятилетиями утверждались в Европе и Америке. В России же эти рубежи были взяты как бы с ходу. Полное, всестороннее и бесплатное образование для рабочих и беднейших крестьян – такая задача была поставлена едва ли не впервые. Права для всех трудящихся, а не для состоятельных, привилегированных групп – таков был предмет гордости создателей Конституции (ст. 13–17, 22). Впоследствии в советских Конституциях появится комплекс социальных прав, но в ситуации 1918 г. его отсутствие едва ли можно поставить российским конституционалистами в вину.

Следует отметить, однако, что многое в области прав и свобод было сделано Временным правительством раньше. Еще в марте 1917 г. оно провело немедленную и

⁵ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом советов в заседании от 10 июля 1918 г.

полную амнистию по всем политическим делам; осуществило свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, распространило политические свободы на военнослужащих; отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения; заменило полицию народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. Выборы в эти органы были проведены на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, велась подготовка на тех же основах выборов Учредительного собрания и т.д. Как видно, Временным правительством был предусмотрен (и частично реализован) более широкий комплекс прав и свобод. Советская Конституция зафиксировала независимость Финляндии, вывод войск из Персии и свободу самоопределения Армении. Но до того Временное правительство восстановило Конституцию Финляндии, провозгласило независимость Польши, приступило к разработке частичной автономии Украины и Латвии, реорганизовало администрации Туркестана и Кавказа и т.д. “В обычное время, – писал А. Керенский, – для проведения перечисленных мер потребовались бы политические усилия многих поколений” [Хроника... 2002, с. 212; Керенский, 2005, с. 132].

Но дело не только в фиксации отмеченных прав и свобод. Гораздо более важно то, что эти права и их гарантии, зафиксированные в Конституции, сопровождались ограничениями. Прав были лишены “отдельные лица и отдельные группы”, но только к этому дискриминация не сводилась. О французской Конституции 1848 г. К. Маркс писал: “Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу в общей фразе, упразднение свободы – в оговорке” [Маркс, Энгельс, т. 8, с. 132]. Авторы первой советской Конституции изобрели собственную “верхнюю палату”, причем она была облечена в такую форму, что выглядела вовсе не ограничительной оговоркой, а напротив, утверждением высокого предназначения политических свобод. Каждой из них была предпослана мотивировка: “В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы...”. Это был капкан, ибо что есть действительная свобода, что соответствует и что не соответствует интересам трудящихся, надлежало решать государству, которое как раз и располагало помещениями для собраний, бумагой и типографиями для газет, и т.д.

С этим была связана еще одна особенность прав и свобод по-советски. Права и свободы предоставляет и гарантирует государство. Никаких прав вне государства, совмещившего монополию политическую и материальную, отменившего частную собственность и лишившего граждан экономической базы независимости, Конституция не предусматривала.

Организация власти. Значительное место в Конституции было уделено *системе органов номинальной власти*. Номинальной – ибо “Советы, – как справедливо отмечает С. Алексеев, – представляли собой неразвитую, несовершенную государственную форму неинституализированной непосредственной демократии (маскировавшей и впрямь всесилие партократии)” [Алексеев, 1995, с. 296]. Те качества Советов, которые в официальной версии выдавались за их достоинства: связь с избирателями (то есть многоступенчатый порядок формирования, при котором избиратели своих представителей на нижнем уровне знают в лицо), отказ от разделения властей, возможность произвольных ротаций (право отзыва депутатов) и др. – как раз и облегчали манипулирование ими. Без “руководящей и направляющей силы”, выстроенной на иных основаниях, громоздкая система государственных органов с недифференцированными и нечетко прописанными полномочиями оказалась бы совершенно неработоспособной и погрязла в конфликтах. Так, собственно, и случилось на рубеже 1980–1990-х гг., когда советскую систему попытались возродить в первоизданном виде.

Конструкция власти выглядела следующим образом. В основании – многолюдный Съезд, депутаты которого представляют неравное число избирателей, а их “выборы производятся согласно установившимся обычаям в дни, устанавливаемые местными Советами” (ст. 66), то есть, выражаясь сегодняшним языком, – “по понятиям”. Съезд, созываемый эпизодически, избирает теоретически ответственный перед ним Всерос-

сийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) “в количестве не более 200 человек” (по факту – значительно больше). Съезд – “высшая власть” в стране, ВЦИК – “высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган” (ст. 24 и 31). Их компетенция не разграничена, в исключительном ведении Съезда – только изменения Конституции и ратификация мирных договоров. По всем остальным вопросам решения может принимать ВЦИК, в том числе решать вопросы войны и мира и менять границы в тех случаях, когда “невозможно созвать Съезд” (ст. 49–52). Перечень полномочий Съезда и ВЦИК завершает норма, в соответствии с которой их ведению “подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими разрешению” (ст. 50).

”Общее управление делами” осуществляет образуемый ВЦИК Совет народных комиссаров (СНК), который вправе издавать декреты (по умолчанию в Конституции и по факту – не менее значимые, чем декреты ВЦИК), “и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни” (ст. 35, 37, 38). Как инстанция, куда можно обжаловать решения наркомов, “единолично принимающих решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего наркомата”, единожды назван Президиум ВЦИК (ст. 45). О других его полномочиях не сказано ничего, но именно он, транслируя волю правящей партии, возглавляемый одним из ее видных руководителей, готовит, проводит и оглашает решения от имени ВЦИК. Центральное звено системы управления – не ВЦИК, а СНК, персонально слитый с политбюро ЦК партии большевиков. СНК ответствен перед ВЦИК, но многие наркомы являются также и членами ВЦИК и в этом качестве контролируют – вместе со своими коллегами – сами себя (ст. 36). Аналогичным образом, лишь с незначительными модификациями, выстраивалась система Советов на местах – от области и губернии до волости (ст. 53–63).

Никакой самостоятельной роли Конституция не отвела суду: упомянуто лишь, что к ведению Съезда и ВЦИК относятся судоустройство и судопроизводство (ст. 490). Суды были переданы под контроль Советов, политические дела перешли в ведение ВЧК. Зато Программа партии, одоблив ликвидацию прежней судебной системы (как известно, учрежденной на основе самой передовой из реформ 1860-х гг.), поставила задачу утопическую: “стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера” [Восьмой... 1959, с. 399–400].

С лозунгом “Вся власть Советам!” большевики пришли к власти. Советы возникали на заводах, в воинских частях, в деревнях вне рамок какой-либо общей организации с единым порядком формирования и единообразными, ясно очерченными функциями. Большевики в том не видели беды. Напротив, как не раз повторял Ленин, расцветало “живое творчество масс”, на российской почве вызревала “организация типа Парижской коммуны”, промежуточное звено на пути к отмиранию государства. Рассредоточенность, подвижность, неформализованность Советов, их “укорененность в массе трудящихся” в глазах большевиков были достоинством, выгодно отличавшим их от органов, встроенных в жесткие схемы буржуазного государства [Ленин, т. 33, 36]. Номинально каждой вышестоящей ступени Советов их полномочия делегировались снизу. Система Советов оказалась эффективным инструментом мобилизационной стратегии, нацеленной на свержение слабой власти. Ими-то и воспользовались большевики, представлявшие к Октябрю наиболее организованную силу в стране.

Для решения иной задачи – удержания власти и проведения социальных и политических преобразований – такая система слабокоординированных и не слишком зависимых от центра Советов, передача власти которым была провозглашена на II Съезде, оказалась совершенно не пригодной. Она расплзлась бы и в нормальных условиях. Смертельная же схватка потребовала сверхцентрализации власти. Временно – как полагали революционеры, увлеченные идеалом “отмирающего” государства или приерженные анархо-синдикалистским представлениям (кстати, столкновениями между ними и “прагматиками” были отмечены дискуссии в ходе подготовки Конституции).

Но к моменту утверждения Конституции Советы претерпели двоякое превращение. Центр тяжести власти был отделен от местных Советов и перенесен наверх. Схема делегирования прав “снизу вверх” была перевернута. А затем и сам порядок формирования и деятельности Советов на местах был поставлен под контроль центральных органов. Построение власти “сверху вниз”, “властная вертикаль”, которой изначально были противопоставлены Советы, была восстановлена за полгода. Ее бюрократизация и отрыв от прошедших временную политическую мобилизацию масс были не за горами.

Эти превращения нашли отражение в тексте Конституции в виде наложившихся друг на друга пластов. С одной стороны, реликтовые и утрачивающие прежний смысл декларации: власть “принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах” (ст. 10). С другой стороны, содержательные нормы: “Верховная власть принадлежит Всероссийскому Съезду Советов” (ст. 12, 24) и вся конструкция государственного устройства, в которой не только вышестоящим Съездам Советов, но и их исполнительным комитетам принадлежит никак не ограниченное право контроля над всеми нижестоящими Советами, включая право отмены их решений (ст. 62). На нижестоящие же Советы возлагалась обязанность “проведения в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти” (ст. 61а). Доминирование высших органов закрепляли и статьи, посвященные бюджетному праву. Центральное правительство получило право распоряжаться практически всеми финансами.

Следовательно, собственно *советской власти*, полновластия Советов в России, если не считать кратковременного периода и локально ограниченных эпизодов, никогда не было. Если в пирамиде Советов 1917 г. и присутствовали некоторые отличные от государственного и муниципального права буржуазных стран элементы демократизма, пусть плохо организованного, хаотического, спонтанного, то в Конституции 1918 г. они сохранились лишь терминологически, в виде декораций. Зато оболочка Советов оказалась идеальной формой диктатуры партии радикального меньшинства (которой тоже предстояло пройти ряд головокругительных трансформаций). На какой-то момент, завладев большинством в Советах главных политических центров страны, партия конституционно закрепила свою власть на все будущие времена, сначала ограничив, а затем исключив воздействие на нее “снизу” и извне посредством демократических процедур. В этих условиях и для местного самоуправления, автономии низовых сообществ пространства не оставалось.

Унитарная Федерация. В Конституции Российская республика получила название *федеративной*. Это не было предрешено изначально. Прежде всего не было общего понимания, из какого рода составляющих будет складываться Федерация: территориальных или каких-либо иных. В проекте Конституции, составленном в январе 1918 г. в наркомате юстиции, отданном эсерам, предлагалось выстраивать республику как объединение пяти социально-профессиональных федераций: земледельцев, промышленных рабочих, работников торговли, государственных служащих и прислуги. Ибо, как утверждали сторонники такого подхода, республика должна строиться “не на территориальных фетишах государственной власти, а на реальных интересах трудящихся классов” [Карр, 1990, с. 118]. Предложения эти несли отпечаток популярных в то время синдикалистских идей, но по сути представляли не что иное, как реинкарнацию сословного строя в построении государства. Нечто подобное коммунистические правоведы попытаются внедрить на закате советского режима как один из способов формирования Съезда народных депутатов СССР.

Идея эта была отвергнута, но спор переместился в иную плоскость – выбора между унитарным или федеративным устройством государства. В марксистской традиции предпочтение отдавалось “единой и неделимой республике”, в которой “решительная централизация силы в руках государственной власти” послужит революции. “В такой стране... где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и провинциального самоуправления, ни

при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всю мощь может быть развернута только из центра”, – настаивали К. Маркс и Ф. Энгельс Союз коммунистов в 1850 г. [Маркс, Энгельс, т. 7, с. 265–266]. Для России начала XX в. такой подход представлялся не менее актуальным, чем для Германии середины XIX в., и неудивительно, что в предреволюционные годы Ленин не раз решительно высказывался против федерации, представлявшейся ему синонимом децентрализации [Ленин, т. 7, с. 103–105; т. 24, с. 143; т. 48, с. 235]. Ту же позицию отстаивал Сталин в марте 1917 г., считая, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение⁶.

Что же определило крутой разворот позиции большевиков по отношению к федерализму после Октября? В дискуссии, развернувшейся в партиях II Интернационала накануне и в годы Первой мировой войны, Ленин и его сторонники отстаивали право наций на самоопределение вплоть до отделения. Но как быть, если трудящиеся самоопределившиеся нации отделяться от революционной России не захотят (и большевики, утвердившиеся в центре, им в этом посодействуют)? Правда, к моменту, когда принималась Конституция, территория, контролируемая советским правительством, немногим превышала размеры Московского княжества XV в. и стала мононациональной. Но большевики верили, что в союзе со своими единомышленниками они вернут под свою власть не только исконно русские области, но и Украину, Кавказ и др. Кроме того, большевики рассчитывали на скорое перенесение революции в Европу, и следовательно, устройство России должно было стать прообразом “грядущей мировой федерации Советов”.

Так из прагматических соображений пришли к федерации, дверь для которой в Конституции была оставлена приотворенной. Декларация пообещала предоставить “рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях” (ст. 8). В тексте Конституции пошли дальше. Советам областей, “отличающихся особым бытом и национальным составом”, предлагалось “объединиться в автономные областные союзы” с однотипной государственной организацией (Съезды Советов и их исполнительные органы) и войти в РСФСР “на началах федерации” (ст. 11). В Конституции не было сказано, в чем должен заключаться особый статус автономных образований. А поскольку линия на сосредоточение власти в центральных органах государства была отчетливо проведена по всему тексту Основного закона, федерализация не предусматривала политической децентрализации. Упоминание автономий в нем, следовательно, в лучшем случае означало заявку на федерализм, содержание которого еще предстояло раскрыть. В таком виде он не противоречил исходной позиции большевиков.

Но проблема не была снята, и вокруг нее вскоре развернутся жаркие споры. Правда, в 1918 г. большевистские вожди утверждали (а возможно, многие из них верили), что создание строго централизованной и иерархизированной государственной системы, равно как и классовые ограничения, – временные меры, которые будут отменены, когда победит мировая социалистическая революция и все враги будут повержены.

Демократия или диктатура?

Русская революция и Конституция 1918 г. по-разному были восприняты европейскими социал-демократами. Левые радикалы сочли, что в России, наконец, стали осуществляться их мечтания и пришло время пойти по тому же пути в Европе. Партии II Интернационала стали дробиться, из их осколков русские большевики вскоре

⁶ В 1924 г. Сталин печатно зафиксировал отречение от “господствовавшего тогда в нашей партии отрицательного отношения к федеративному устройству государства” [Сталин, т. 3, с. 25, 28].

начнут создавать III Интернационал, которому суждено будет превратиться в оружие советской внешней политики. Но это произойдет потом, а пока вокруг непродолжительного еще советского опыта стала разворачиваться острая дискуссия. Одним из первых на события в России, на первую советскую Конституцию откликнулся один из ведущих идеологов европейской социал-демократии К. Каутский. Уже летом 1918 г. он опубликовал брошюру “Диктатура пролетариата”. В том же году на нее ответил Ленин.

В своем споре они оба исходили из марксистской формационной парадигмы (социализм идет на смену капитализму). Эта парадигма, как и концептуальная основа, на которую опиралась аргументация обеих сторон, – сегодня не более чем памятник из истории общественной мысли. Но спор о демократии и диктатуре как формах политической организации, в которых осуществляется преобразование отставших обществ, своего значения не потерял. Напротив, для каждой страны, вступающей на этот путь, на каждом следующем витке истории он обретает свою актуальность.

Нет социализма без демократии, утверждал Каутский. Демократия – не средство, а цель в создании нового общества. Разгон Учредительного собрания – неверный шаг большевиков. Советы – одно из важнейших явлений нашего времени, им принадлежит выдающаяся роль в “великой и решительной борьбе труда с капиталом”. Но от них нельзя требовать большего, чем они могут дать. Нельзя боевую организацию превращать в государственную. Поступив таким образом, большевики уничтожили демократию, которую народ завоевал в Февральской революции. Контроль над правительством может обеспечить только парламент, в этом никто и ничто заменить его не может. “Деятельность центрального, руководящего государственным организмом учреждения может контролироваться только другой центральной организацией, но не неорганизованной, бесформенной массой, какой является народ”. Точно так же “всеобщее равное избирательное право сделалось в современном обществе единственным рациональным правом”.

Отказ от демократии влечет за собой исключительно тяжкие последствия. Везде, где пролетариат, взявший власть, может удержаться лишь посредством диктатуры, на пути к социализму возникают “такие громадные препятствия, преодолеть которые и быстро создать всеобщее благосостояние и этим примирить с собой лишенные прав народные массы, диктатура не в состоянии”. Поэтому “диктатура ведет к тому, что находящаяся у власти партия всеми средствами – чистыми и нечистыми – должна стремиться удержаться, потому что падение ее диктатуры есть гибель самой партии” [Каутский, 2002, с. 48, 49, 69, 78, 96].

Ответ Ленина не заставил себя ждать. Брошюра под выразительным названием “Пролетарская революция и ренегат Каутский” была написана осенью и опубликована в конце 1918 г. Ленину вообще не свойственна была сдержанность в полемике, но в этой работе он, кажется, превзошел себя. В ней кипит та же несдерживаемая ярость, с какой он требовал расстрелов “врагов революции”, с какой октябрьские победители принялись отстаивать доставшуюся им власть. Аргументация тонет в потоке восклицаний и оскорблений оппонента⁷.

Рассуждения Каутского противопоставлен постулат: “Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее буржуазной республики. Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных буржуазных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии”. Никаким другим путем, кроме насильственной революции и подавления сопротивляющихся, пролетариат удержать власть не может, ибо «охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только

⁷Время, когда Ленин напишет: “Озлобление вообще играет в политике самую худую роль” (и то – применительно к внутрипартийным отношениям), было еще впереди [Ленин, т. 45, с. 357].

другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо “охраны меньшинства” достаются военные положения или погромы” [Ленин, т. 37, с. 254, 257–258]⁸.

С дистанции времени, завершившего советский эксперимент, аргументы Каутского и Ленина (к которому присоединился вскоре Троцкий, и обмен “любезностями” продолжился), относительная правота и неправота участников спора предстают в ином свете⁹. Все они оперировали идеолого-теоретическими конструктами, имевшими очень отдаленное отношение к существу дела. Ни в России, ни в Европе переход к социализму, как он рисовался Марксу, Ленину (да и Каутскому), в порядке дня не стоял, как не стоит он и век спустя. Реальный, глубокий вопрос, который раскалывал социал-демократов тогда, как раскалывает политический класс России и сейчас, – это вопрос о демократии и диктатуре.

Диктатура в России, конечно, была установлена, но это была диктатура не пролетариата, а партии меньшинства (как бы от имени пролетариата), пришедшей к власти при поддержке части рабочего класса, солдат и низших слоев деревни. Содержательно решался вопрос, смысл которого в долговременной исторической перспективе – вокруг типа и способа модернизации отставшего, поверхностно европеизированного общества – вообще не был понят участниками событий. А в конкретной ситуации 1917 г. требовалось изыскать выход из жестокого социального и политического кризиса, в который ввергли Россию война и неспособность Временного правительства дать адекватный и своевременный ответ на вызовы складывавшейся ситуации. Ленин был прав, когда писал, что развитие кризиса грозит катастрофой. И катастрофа действительно наступила – но не та и не так, как ему представлялось, если бы большевики не смогли взять власть.

Выход, предложенный большевиками и названный социалистическим и пролетарским, грозил еще большей национальной катастрофой, которая не заставила себя ждать. Каутский был прав, утверждая, что большевистская диктатура, во-первых, не укладывается в марксистскую доктрину, а во-вторых – чревата многочисленными бедами, в том числе – для российского пролетариата. О том же предупреждали Плеханов после Октябрьского переворота [Плеханов, 1921, с. 244–248] и Р. Люксембург.

А возможен ли был демократический выход из кризиса, в который вползло российское общество к концу 1917 г.? Была ли перечеркнута возможность коалиции всех российских социалистических партий, получивших абсолютное большинство на выборах в Учредительное собрание, только по причине остревенелой позиции большевистского руководства? Существовал ли креативный и конструктивный потенциал у демократически избранной конституанты? – Вот вопросы, ответы на которые, во всяком случае, не очевидны. Представляется, однако, что и после Октября перед страной был не узкий загон, а хотя и не широкий, но все-таки некоторый диапазон вариантов дальнейшего развития. Диктатура могла быть более или менее жесткой, искать или не искать пути компромисса с оппонентами, прислушиваться к их критике или с негодованием отвергать ее с порога... И следовательно, быть установленной надолго или вступить в изменяющиеся условия на путь декомпрессии. В том, как на деле стали разворачиваться события, исключительно велика была роль субъективного фактора. Историю творила слепая убежденность большевистских вождей в собственной правоте, что так отчетливо проявилось в полемике Ленина с Каутским.

⁸ Ленин был настолько убежден в саморазоблачительном характере книги Каутского, что порекомендовал советским послам в Германии и Швейцарии “не пожалеть тысяч на скупку этой книги и *раздачи ее даром* сознательным рабочим” [Ленин, т. 37, с. 290]. Наследники Ленина, однако, эту книгу, впервые изданную в России в 1919 г., запретили от “сознательных” читателей в спецхраны, откуда она была извлечена лишь во времена перестройки.

⁹ “В споре столкнулись не истина и самообман, а два самообмана, и оба они поучительны по сей день, так как ни один из них не может служить лекарством от другого, потому что оба они – болезнь”, – констатирует И. Клямкин [Клямкин, 1989, с. 220].

Конституция 1918 г. зафиксировала свершившийся к июлю очень важный поворот на одной из развилок исторического пути. Она была короче, проще, но и честнее всех последующих советских конституций. Она открыто закрепила результаты насильственных переворотов в октябре 1917 и в июле 1918 г., социальную ломку, происходившую в последующие годы, диктатуру взявшего власть меньшинства. Со временем статьи советских конституций будут подгоняться под правовые категории, а их торчащие жесткие конструкции – облекаться в квазидемократические одежды. Противоречие между базовыми основаниями системы и привнесенным демократическим флером будет преодолеваться за счет отклонения реальной общественной и государственной практики от конституционных норм. Этот нарастающий разрыв окрасит всю историю советского конституционализма и не исчезнет с уходом советско-коммунистической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С.С.* Теория права. М., 1995.
Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959.
Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
Декреты Советской власти. Т. 1–2. М., 1957–1959.
Долуцкий И.И., Ворожейкина Т.Е. Политические системы в России и СССР в XX веке. В 4 т. Т. 1. М., 2008.
Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция. 1917–1923. М., 1990.
Каутский К. Большеви́зм в тупике. М., 2002.
Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005.
Клямкин И. Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7, 11, 24, 31, 33–37, 41, 45, 48.
Ленинский сборник. Т. XVIII. М., 1931.
Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7, 8.
Оруэлл Д. Скотный двор. М., 1989.
Пайтс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994.
Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921.
Сталин И.В. Соч. Т. 3, 8.
Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.
Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958.
Ф.Э. Дзержинский – Председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007.
Хроника России. XX век. М., 2002.